

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЮРИСПРУДЕНЦИИ И ПРАВА

ЗАЩИТА ПРАВ ДОБРОСОВЕСТНЫХ УЧАСТНИКОВ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК

ТАРАСЕВИЧ МИХАИЛ АНАТОЛЬЕВИЧ

магистрант юридического факультета НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия

Email: misha.tarasevich.95@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется критерий добросовестности сторон сделки и механизм защиты прав участников сделок, признанных недействительными, а также анализируются правовые последствия признания сделки недействительной.

Ключевые слова: недействительная сделка, добросовестность, оспоримая сделка, ничтожная сделка, судебная защита, реституция, двусторонняя реституция.

PROTECTION OF THE RIGHTS OF BONA FIDE PARTICIPANTS IN INVALID TRANSACTIONS

MIKHAIL TARASEVICH

master's degree student, faculty of law, Moscow financial and industrial University "Synergy", Moscow, Russia

Email: misha.tarasevich.95@mail.ru

ABSTRACT

The article analyzes the criterion of good faith of the parties to the transaction and the mechanism for protecting the rights of participants in transactions declared invalid, as well as analyzes the legal consequences of declaring the transaction invalid.

Keywords: invalid transaction, good faith, disputed transaction, void transaction, judicial protection, restitution, bilateral restitution.

Одним из наиболее значимых законодательных изменений в правовом регулировании недействительности сделок явилось закрепление в абз. 4 п. 2, 5 ст. 166

ГК РФ, а также абз. 2 ст. 167 ГК РФ некоторых частных проявлений принципа добросовестности как одного из условий, предопределяющих возможность

защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки посредством предъявления ими требований, вытекающих из недействительности сделки, и их удовлетворения.

Вопросы определения сферы применения абз. 4 п. 2 и 5 ст. 166 ГК РФ в настоящее время разрешены на уровне Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ», в п. 70 которого отмечается, что сделанное в любой форме заявление о недействительности (ничтожности, оспоримости) сделки и о применении последствий недействительности сделки не имеет правовой значимости, если ссылающееся на недействительность лицо действует недобросовестно, а именно, если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки (п. 5 ст. 166 ГК РФ). При этом по смыслу приведенного пункта Постановления абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ применим исключительно к ситуации оспоримой сделки (п. 72), в то время как п. 5 носит характер своего рода общего правила [1].

У такого судебного толкования имеется много сторонников в цивилистической литературе. Однако есть основания рассматривать подобное правоприменительное решение как недостаточно обоснованное.

Правовая природа оспоримой сделки предполагает ее квалификацию как действительной

до момента успешного судебного оспаривания. В этой связи правило п. 5 ст. 166 ГК РФ принципиально не может быть применимо к ситуации оспоримой сделки, поскольку содержит указание на «полагание действительности» другими субъектами, что в случае оспоримости – изначальной действительности и лишь затем недействительности с момента совершения – полностью лишено смысла.

Правила абз. 4 п. 2 и 5 ст. 166 ГК РФ рассчитаны на две различные по существу правовые ситуации. Норма абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ касается лишь одного из проявлений принципа добросовестности и предусматривает правовые последствия подтверждения оспоримой сделки – такого поведения ее стороны, при котором выражение ею воли на сохранение сделки в силе при осознании основания недействительности влечет утрату возможности оспаривания такой сделки по известному ей дефекту. Правило о последствиях подтверждения действия оспоримых сделок – сделок, подвергающихся риску оспаривания, вносит прочность и стабильность в договорную практику сторон.

Пункт 5 ст. 166 ГК РФ касается характеристики поведения участников гражданских правоотношений в ситуации ничтожной сделки – недействительной вне зависимости от действий ее сторон и иных лиц.

Однако влечет ли недобросовестность заявителя требования о ничтожности

конвалидацию сделки и ее качественное превращение в правопорождающий юридический факт? Думается, что ответ на данный вопрос должен быть отрицательным. Недобросовестное поведение участников гражданских правоотношений, злоупотребление гражданскими правами как одна из его форм с точки зрения механизма защиты гражданских прав представляют собой разновидности неприемлемого для гражданского оборота поведения, единственным последствием которого является отказ в защите прав (п. 1 ст. 10 ГК РФ).

Критерий добросовестности нашел отражение и в абз. 2 п. 1 ст. 167 ГК РФ, посвященном отказу в защите в виде применения последствий недействительности (ничтожности и оспоримости) недобросовестному лицу, знавшему или обязанному знать об основаниях недействительности, и выступающему частным проявлением правила п. 1 ст. 10 ГК РФ.

В общем виде существенных различий в динамике оспоримой и ничтожной сделок с позиции оценки поведения их участников как добросовестного нет. Так, и в ситуации оспоримой, и в ситуации ничтожной сделки совершается порочное волеизъявление, приводящее к реальному (в случае оспоримой) или мнимому (в случае ничтожной) возникновению прав и обязанностей, которое до определенного времени поддерживается сторонами и рассматривается ими, а также третьими лицами как нормальное. В

дальнейшем одной или обеим сторонам сделки становится известно об основании ничтожности или оспоримости, при этом момент наступления такой информированности о дефекте в структуре сделки, исходя из общего действия принципа добросовестности, не имеет значения – важно будет лишь свободное продолжение регулятивного движения сделки при осознании субъектом своей реальной возможности заявить о недействительности.

Затем одной из сторон заявляется требование, которое в широком смысле можно именовать как требование об изменении юридической судьбы сделки, а также указывается на нарушение такой сделкой прав и охраняемых законом интересов. Как отмечает Гончарова В.А., «причины заявления такого требования могут быть различны, чаще, думается, речь идет о нежелании одной из сторон более быть связанной сделкой – в данном случае имеет место злоупотребление гражданским правом (п. 1 ст. 10 ГК РФ)» [2].

На основании изложенного можно заключить, что добросовестность выступает одним из условий защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки. Добросовестность участников недействительной сделки при этом состоит в таком их поведении, которое, исходя из недействительности сделки как ситуации неопределенности в динамике правоотношений, объективно свидетельствует о

непризнании ими такой сделки как действительной с момента, когда они узнали или должны были узнать об основании недействительности.

Для недействительных сделок характерно наличие общего последствия в виде реституции. В частности, согласно п. 2 ст. 167 ГК РФ, при недействительности сделки каждая сторона обязана осуществить возврат оппоненту все полученное по сделке, а при отсутствии возможности возврата, который получен в натуре возместить его стоимость в денежном эквиваленте - если иные последствия недействительности не предусматриваются законодательством.

Реституция и судебное признание сделки недействительной - абсолютно разные юридические действия. Признание сделки недействительной осуществляется путем вынесения судебного решения. Для ничтожной сделки такое решение будет иметь установительный характер, а для оспоримой сделки соответственно преобразовательный характер. От характера судебного решения зависит и вид подаваемого сторонами иска.

На практике чаще всего заинтересованные лица сначала заявляют иск о признании сделки недействительной, а затем, получив решение, заявляют иск о применении последствий ее недействительности.

Реституция заключена в возврате сторонами полученного ими по сделке друг другу в натуре. При применении двусторонней реституции, одна сторона по сделке

возвращает полученное ею по недействительной сделке другой стороне. Статья 12 ГК РФ в качестве способа защиты права, нарушенного недействительной сделкой предполагает возврат полученного по сделке обеими сторонами (п. 2 ст. 167 ГК РФ). Так, например, И. Приходько утверждает: «Если иск сформулирован как требование о возврате из неосновательно полученного в порядке главы 60 ГК РФ, то в иске не может быть отказано лишь на том основании, что истец не потребовал применения последствий недействительности сделки» [3].

На наш взгляд, нельзя удовлетворять требование о возврате полученного в качестве неосновательного обогащения по недействительной сделке, если не было заявлено о применении последствий недействительности сделки.

В качестве последствий недействительности законом могут устанавливаться иные последствия отличные от общих. Если имущество приобретает не непосредственно у собственника, то последствием недействительности сделки будет выступать виндикация, а не двусторонняя реституция. Следовательно, у собственника имеется возможность заявить требование о признании сделки недействительной, если была заключена только одна сделка. В противном случае, когда в отношении имущества совершены несколько сделок, то истребовать его у добросовестного приобретателя нельзя, и законный

владелец может предъявить лишь виндикационный иск.

Парадокс сложившейся ситуации состоит в том, что законные интересы первоначального собственника менее защищены, нежели интересы добросовестного приобретателя. В статьях 166-168 ГК РФ отсутствует указание на применение виндикации и её приоритет перед реституцией. Статья 168 ГК предполагает наличие других последствий нарушения требований законодательства или других правовых актов во время заключения договора. К ним относятся предусмотренные в ст. 162 ГК РФ последствия. Согласно разъяснениям высших судебных инстанций положения виндикации распространились на институт недействительности сделок. На наш взгляд это некорректно. Виндикация и реституция имеют различную правовую природу. Виндикационный иск направлен на защиту права собственности, а реституционный является следствием признания сделки недействительной. Причем имущество возвращается другой стороне по недействительной сделке, даже если она не является собственником имущества (ст. 167 ГК РФ). В данных исках различается также предмет доказывания. В связи с тем, что реституция и виндикация значительно отличаются, это не дает возможности свободного применения правил одного института к другому.

По нашему мнению, более обоснованным было бы введение такого механизма, который способствовал бы защите интересов собственника путем возврата ему имущества, и интересов добросовестного приобретателя, который имел бы право вернуть свои денежные средства, затраченные на приобретение имущества у недобросовестного отчуждателя.

Что касается, односторонней реституции или недопущения реституции, то они являются формой гражданско-правовой ответственности. Односторонняя реституция предполагает возврат в прежнее положение только потерпевшей стороны недействительной сделки, а все полученное ею по сделке взыскивается в пользу государства. Согласно ст. 179 ГК РФ односторонняя реституция является следствием признания недействительной оспоримой сделки, которая совершена под воздействием обмана, насилия, угрозы, или неблагоприятных обстоятельств. Кроме этого, согласно ст. 169 ГК РФ односторонняя реституция применяется в отношении ничтожной сделки, которая совершена с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ). Когда незаконная недействительная сделка совершена по вине обеих сторон, то конфискации подлежит все имущество, которое получено по сделке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант», 2020.
2. Гончарова В.А. Добросовестность как условие защиты участников недействительной сделки // Юридическая наука и практики. – 2018. - № 3. – Т. 14. – С. 24.
3. Приходько И. Недействительность сделок и арбитражный суд: процессуальные аспекты// Хозяйство и право. - 2015. - № 5. - С. 96.
4. Понарина Н.Н., Копченко И.Е. Понятие, сущность и методическая система профессионального обучения юристов // Социальные науки. – 2019. – № 2 (25). – С. 136-144.

REFERENCES

1. The resolution of Plenum of the Supreme Court of 23.06.2015 g. № 25 «On application by courts of certain provisions of section I of the Civil code of the Russian Federation» // ATP Garant, 2020.
2. Goncharova V. A. Conscientiousness as a condition for protecting participants in an invalid transaction // Legal science and practice. - 2018. - № 3. - Vol. 14. - P. 24.
3. Prikhodko I. Invalidity of transactions and arbitration court: procedural aspects// Economy and law. - 2015. - № 5. - P. 96.
4. Ponarina N. N., Kopchenko I. E. Concept, essence and methodological system of professional training of lawyers // Social Sciences. – 2019. – № 2 (25). – Pp. 136-144.